

Жена — эпизод 7 из 19

Жена приветливо улыбалась гостям и зорко следила за мною, как за зверем; она тяготилась моим присутствием, а это возбуждало во мне ревность, досаду и упрямое желание причинить ей боль. Жена, думал я, эти уютные комнаты, местечко около камина мои, давно мои, но почему-то какой-нибудь выживший из ума Иван Иванович или Соболев имеют на них больше прав, чем я. Теперь я вижу жену не в окно, а вблизи себя, в обычной домашней обстановке, в той самой, которой недостает мне теперь в мои пожилые годы, и несмотря на ее ненависть ко мне, я скучаю по ней, как когда-то в детстве скучал по матери и няне, и чувствую, что теперь, под старость, я люблю ее чище и выше, чем любил прежде, и поэтому мне хочется подойти к ней, покрепче наступить ей каблуком на носок, причинить боль и при этом улыбнуться.

Мосье Енот, обратился я к доктору, сколько у нас в уезде больниц?

Соболев... поправила жена.

Две-с, ответил Соболев.

А сколько покойников приходится ежегодно на долю каждой больницы?

Павел Андреич, мне нужно поговорить с вами, сказала мне жена.

Она извинилась пред гостями и вышла в соседнюю комнату. Я встал и пошел за ней.

Вы сию же минуту уйдете к себе наверх, сказала она.

Вы дурно воспитаны, сказал я.

Вы сию же минуту уйдете к себе наверх, резко повторила она и с ненавистью посмотрела мне в лицо.

Она стояла так близко, что если бы я немножко нагнулся, то моя борода коснулась бы ее лица.

Но что такое? сказал я. В чем я так вдруг провинился?

Подбородок ее задрожал, она торопясь вытерла глаза, мельком взглянула на себя в зеркало и прошептала:

Начинается опять старая история. Вы, конечно, не уйдете. Ну, как хотите. Я сама уйду, а вы оставайтесь.

Она с решительным лицом, а я, пожимая плечами и стараясь насмешливо улыбаться, вернулись в гостиную. Здесь уже были новые гости: какая-то пожилая дама и молодой человек в очках. Не здороваясь с новыми и не прощаясь со старыми, я пошел к себе.

После того, что произошло у меня за чаем и потом внизу, для меня стало ясно, что наше семейное счастье, о котором мы стали уже забывать в эти последние два года, в силу каких-то ничтожных, бессмысленных причин возобновлялось

опять, и что ни я, ни жена не могли уже остановиться, и что завтра или послезавтра вслед за взрывом ненависти, как я мог судить по опыту прошлых лет, должно будет произойти что-нибудь отвратительное, что перевернет весь порядок нашей жизни. Значит, в эти два года, думал я, начиная ходить по своим комнатам, мы не стали умнее, холоднее и покойнее. Значит, опять пойдут слезы, крики, проклятия, чемоданы, заграница, потом постоянный болезненный страх, что она там, за границей, с каким-нибудь франтом, италианцем или русским, надругается надо мной, опять отказ в паспорте, письма, круглое одиночество, скука по ней, а через пять лет старость, седые волосы... Я ходил и воображал то, чего не может быть, как она, красивая, пополневшая, обнимается с мужчиною, которого я не знаю... Уже уверенный, что это непременно произойдет, отчего, спрашивал я себя в отчаянии, отчего в одну из прошлых давнишних ссор я не дал ей развода или отчего она в ту пору не ушла от меня совсем, навсегда? Теперь бы не было этой тоски по ней, ненависти, тревоги, и я доживал бы свой век покойно, работая, ни о чем не думая...

Во двор въехала карета с двумя фонарями, потом широкие сани тройкой. У жены, очевидно, был вечер.

До полуночи внизу было тихо, и я ничего не слышал, но в полночь задвигали стульями, застучали посудой. Значит, ужин. Потом опять задвигали стульями, и мне из-под пола слышался шум; кричали, кажется, ура. Марья Герасимовна уже спала, и во всем верхнем этаже был только я один; в гостиной глядели на меня со стен портреты моих предков, людей ничтожных и жестоких, а в кабинете неприятно подмигивало отражение моей лампы в окне. И с завистливым, ревнивым чувством к тому, что происходило внизу, я прислушивался и думал: Хозяин тут я; если захочу, то в одну минуту могу разогнать всю эту почтенную компанию. Но я знал, что это вздор, никого разогнать нельзя и слово хозяин ничего не значит. Можно сколько угодно считать себя хозяином, женатым, богатым, камер-юнкером, и в то же время не знать, что это значит.

После ужина кто-то внизу запел тенором.

Ведь ничего же не случилось особенного! убеждал я себя. Что же я так волнуюсь? Завтра не пойду к ней вниз, вот и всё и конец нашей ссоре.

В четверть второго я пошел спать.

Внизу уже разъехались гости? спросил я у Алексея, который раздевал меня. Точно так, разъехались.

А зачем кричали ура?

Алексей Дмитрич Махонов пожертвовали на голодающих тысячу пудов муки и тысячу рублей денег. И старая барыня, не знаю как их звать, обещали устроить у себя в имении столовую на полтораста человек. Слава богу-с... От

Натальи Гавриловны вышло такое решение: всем господам собираться каждую пятницу.

Собираться здесь внизу?

Точно так. Перед ужином бумагу читали: с августа по сей день Наталья Гавриловна собрали тысяч восемь деньгами, кроме хлеба. Слава богу-с... Я так понимаю, ваше превосходительство, ежели барыня похлопочут за спасение души, то много соберут. Народ тут есть богатый.

Отпустив Алексея, я потушил огонь и укрылся с головой.

В самом деле, что я так беспокоюсь? думал я.